

Глава 1

ЧЕМОДАН С ПРИВИДЕНИЯМИ

Что-то пролетело со свистом, кто-то завопил, где-то посыпались стекла. Обычное утро обычного дня в обычной школе для трудновоспитуемых волшебников Тибидохс, что находится в море-океане на острове Буяне.

Черные Шторы ехидно захихикали. Таня Гроттер оторвалась от толстого справочника «**Драконы: разведение, дрессировка, лечение**» и подбежала к окну. На небольшой поляне перед Тибидохсом происходило что-то интересное. Два здоровенных циклопа, которым было поручено носить валуны для строительства, поссорились и теперь с увлечением выколачивали друг из друга пыль узловатыми дубинками. Одна из дубинок разлетелась, и ее обломок, описав в воздухе красивую дугу, свалился точно на нос богатырю Усыне,

который, подложив под щеку носилки, мирно дремал в тени Лукоморского дуба.

Минутой позже Таня наблюдала, как Усыня, сцапав одного из циклопов за ноги, со свистом его раскручивает. Явившиеся на вопли богатыри-вышибалы Дубыня и Горыня, обнаружив, что нос у их братца распух и приобрел цвет свеклы, принялись хохотать. Они размахивали руками, подталкивали друг друга и в конце концов обрушили чудом уцелевший до сих пор участок стены. А тут еще Усыня отпустил ноги циклопа и тот, свечкой взмыв в поднебесье, врезался головой в Большую Башню. Посыпались кирпичи. Циклоп же как ни в чем не бывало поднялся и потрогал лоб.

— *Просто сут снает сто такое! Опять сыска будет!* — недовольно прошепелявил он.

Привлеченная шумом, на балкончик Большой Башни выскочила доцент кафедры нежитеведения Медузия Горгонова. Она держала за шиворот пинающегося болотного хмыря, которого только что поймала на столешнице у себя в кабинете, где он выцарапывал гвоздем всякие гадости.

Заметив осыпавшуюся стену, Медузия от возмущения разжала ладонь, и болотный хмырь, точно жаба плюхнувшись на пол, быстро улепетнул куда-то, ругаясь нехорошими словами и грозя Тибидохсу неприятностями.

Но доцент Горгонова уже забыла о нем. Ей надо было разобраться с распоясавшимися циклопами и братьями-богатырями. Щеки у Медузии запылали,

а волосы зашипели как змеи. Впрочем, почему *как*? Только тшш! — какой же женщине понравится, когда открывают ее маленькие тайны?

— *Искрис фронтис!* — крикнула Медузия.

Из ее магического кольца вылетела ослепительная боевая искра, и несколько большущих валунов сразу рассыпались в порошок. Громадные циклопы попадали на землю и безуспешно попытались спрятаться за травинками, покрытыми белой изморозью. Им было хорошо известно, что с разгневанной Медузией шутки плохи.

— *Полниссимо-дебилиссимо!* Что это такое? — крикнула доцент Горгонова. — Две недели работы — и никакого результата! Развалили даже то, что не тронули титаны! Вы понимаете, балбесы, что детям негде жить? Что крыша протекает? Что своды Тибидохса вот-вот рухнут?!

Циклопы мелко задрожали, а богатыри-вышибалы виновато потупились.

— Мы чего? Мы ничего... Циклопы... ы-ы... сами первые начали, — забубнил Усыня, удрученно шмыгая своим свекольным носом.

— Сами? А ну марш работать, или останетесь без обеда! — нахмурилась Медузия и вскинула кольцо, полыхнувшее новой искрой. Искра, как это бывает у магов, придавала заклинанию необходимую силу: — *Голодронус голодрыгус!*

Таня слышала это заклинание впервые. «Интересно, для чего оно?» — задумалась она, но тотчас ощути-

Дмитрий Емец

ла такой волчий голод, что едва не вцепилась зубами в Черные Шторы. В этот миг она могла съесть абсолютно все, даже позавчерашнюю овсяную кашу тети Нинели с образовавшейся на ней корочкой, которую Пипа называла пуленепробиваемой. Таня сообразила, что магия Медузии случайно зацепила и ее: ведь она тоже видела искру.

Циклопы и братья-богатыри разом зашевелились и поспешно принялись сгребать камни в кучу. Голод подгонял их.

— Никакого обеда, пока не закончите уборку! Ясно вам? Тунеядцы! — крикнула Медузия. Она круто повернулась и, как всегда стремительная, ушла с балкончика.

Жуя случайно оставшийся после завтрака бутерброд, Таня отодвинулась от окна и снова взяла в руки книгу. Не вечно же ей смотреть на циклопов! К тому же из здоровенной трещины в потолке за шиворот девочке давно стекала струйка воды.

«А ведь это из-за меня все мучаются!» — виновато подумала Таня.

После той истории, когда она неосторожно выпустила из подземелья титанов, а те, сражаясь с Чумойдель-Торт, разнесли половину Тибидохса, здесь стало невозможно жить. Если разобраться, от всей огромной школы трудновоспитуемых волшебников остался только подвал, Зал Двух Стихий и Большая Башня с Главной Лестницей. Но и они порядком пострадали.

По коридорам бродили сквозняки, среди ночи начинали хлопать рамы, а в многочисленные трещины

захлестывал дождь. Даже призракам, во множестве населявшим Тибидохс, и тем было неудобно. Лишившись своей любимой Башни Привидений, где они знали каждый закуток, призраки толпами шатались ночами по коридорам, стонали, гремели цепями и портили всем настроение.

К тому же время было далеко не летнее — декабрь. А разве возможно как следует заниматься, когда в кабинете практической магии обледенел весь пол, а на снятии сглаза все ученики вынуждены сидеть в шубах, а зубы все равно стучат так, что не выговоришь ни одного заклинания?

Таня встала, чтобы захлопнуть распахнувшуюся от сквозняка дверь. Закрывая ее, она случайно увидела, как по коридору на цыпочках прошмыгнул Поклеп Поклепыч — маленький кособокий человечек с крошечными глазками-буравчиками, бывший черный маг, перешедший в белые. К груди он прижимал здоровенную живую рыбину, колотившую его хвостом по носу. Таня догадалась, что суровый завуч Тибидохса бежит к пруду кормить русалку. Все удивлялись, что пруд с русалкой до сих пор не замерз, и говорили, что тут точно не обошлось без мощной магии. От постоянного переедания русалка жутко растолстела, и характер у нее сделался на редкость сварливым. Целыми днями она валялась в тине, уплетала рыбу и швыряла во влюбленного Поклепа водорослями и улитками.

И угораздило же обиженного купидончика подкараулить завуча и пустить в него стрелу! Академик Сар-

данапал уже несколько раз порывался снять с Поклепа заклятие, но безуспешно. Любовная магия — самая тонкая и сложная из всех магий. Снять ее может лишь тот, кто наложил. Да вот только купидончик наотрез отказывался — все еще дулся на Поклепа, сломавшего его любимый лук.

— Ох уж эти русалки! Одно слово: нежить! Недавно пиявками его всего облепила — просто из озорства. Любишь, мол, так докажи. Так и ходил, бедолага, весь в пиявках. Одна прям даже на носу, — ворчала Ягге.

Прежде она не особенно жаловала Поклепа, а теперь порой даже принималась его жалеть. Ягге была старой волшебницей, заправлявшей в магпункте. Кроме того, она приходилась еще и родной бабушкой Баб-Ягуну, хорошему приятелю Тани.

Таня сосредоточилась и, заставив ускользящие мысли вновь течь в одном направлении, засела за занятия. Ей пришлось это сделать, потому что справочник **«Драконы: разведение, дрессировка, лечение»** начал уже недовольно фыркать и пускать искры. Еще немного — и он подпалил бы одеяло на кровати. С драконами лучше не шутить, даже если это не сами драконы, а всего лишь книга о них.

С недавних пор, не без влияния своего друга Ваньки Валялкина, Таня твердо решила, что посвятит свою жизнь ветеринарной магии. Разве это не замечательно — лечить сфинксов, гарпий, русалок, кентавров, драконов, которых год от года становится в волшебном мире все меньше и меньше? И это в волшебном!

В мире же лопухоидов эти диковинные полумагические существа почти совсем перестали встречаться. Недаром лопухоиды — обычные люди — уже почти перестали в них верить.

К тому же Таня надеялась, что умение ладить с драконами поможет ей показать хорошие результаты в любимой игре всех магов — в драконболе. Правила игры просты: две команды по десять игроков, два дракона и пять мячей: чихательный, пламягасительный, одурительный, перцовый и обездвиживающий. Воротами служит пасть неприятельского дракона. Не каждому по силам забросить туда мяч, особенно потому, что битва ведется в воздухе. Плюс ко всему дракон соперничающей команды вовсе не сидит на месте, послушно разинув рот. Напротив, он стремительно перемещается, изрыгает огонь и изо всех сил пытается проглотить замешкавшихся игроков. Поэтому нередко получается, что до окончания матча добрая половина нападающих томится в тесном драконьем желудке и надеется, что кто-нибудь забросит ему в пасть перцовый мяч, который заставит дракона их выплюнуть.

Именно поэтому Таня и мечтала теперь узнать все о драконах и поладить с ними. Вспыльчивые, стремительные, яростные, драконы никому не подчинялись и не терпели никакой дрессировки. Даже к игрокам своей команды они привыкали с огромным трудом и часто по ошибке заглатывали их вместо игроков противника.

Дмитрий Емец

Таня вздохнула и перевернула страницу. До чего же тоскливо сидеть и зубрить один параграф за другим! Тем более что это не домашнее задание, а собственная блажь.

ЗАГАДКА ОГНЕМЕТАНИЯ

Если ваш дракон перестал выдыхать огонь, это свидетельствует о его внутреннем затухании. В этом случае должна помочь настойка красного перца, горчицы и серы обыкновенной в сочетании 3:4:2, разбавленная нитроглицерином пополам со ртутью. Поить три раза в день по восемь ведер. Смесь взрывоопасна! Не взбалтывать и тщательно соблюдать пропорцию.

— По восемь ведер! — повторила Таня, прикидывая, каким образом вливать эти ведра в дракона, если он, к примеру, не захочет открыть пасть! Ноздри ему, что ли, зажимать? Или, может, явиться с половником и: «Ути-пути! Открой ротик, малютка! Ложечку за мамочку, ложечку за папочку! И не вздумай толкать ведро, а то так рванет, что от мамочки шнурков не останется!»?

Таня поморщилась. Вечно в этих справочниках напишут, а потом ломай голову, разбирайся!

«Надо будет спросить завтра у Тарараха. Уж он-то точно знает, как пичкать драконов», — подумала она.

Бессмертный питекантроп Тарарах — преподаватель ветеринарной магии — был ее любимым учителем. Пожалуй, только на нежитеведение к Медузии

Горгоновой она ходила с таким же удовольствием. Да это и неудивительно, так как предметы во многом пересекались. Среди магических и полумагических существ встречалось немало опасной нежити, которую, перед тем как лечить, требовалось еще и укротить. Именно этим — укрощением нежити и изучением ее привычек — Медузия и занималась.

Неожиданно кто-то сильно толкнул дверь, и ввалилась Гробыня Склепова, соседка Тани по комнате. Гробыня была девочкой из черных магов, с очень специфическим чувством юмора. Ее кровать в форме гигантского гроба занимала почти все пространство у окна. А вешалкой ей служил скелет по прозвищу Паж. Пару раз в месяц он оживал и, щелкая зубами, начинал бродить по комнате. Однажды он даже сожрал Танины ботинки.

Одним словом, Гробыня Склепова была та еще особа. Худшей соседки по комнате не могло привидеться даже в кошмарном сне. Впрочем, Таня не жаловалась. Дочка дяди Германа Пипа, с которой она росла до того, как попала в Тибидохс, была ничуть не лучше.

Покосившись на Таню, Гробыня, не разуваясь, плюхнулась на кровать.

— Привет, дурацкая сиротка! У меня для тебя прекрасная новость, — заявила она. — От этой новости ты облысеешь, а на носу у тебя появится новая родинка, еще безобразнее той, которой ты лишилась по милости Той-Кого-Нет!

Таня оценивающе посмотрела на Гробыню, прикидывая, не запустить ли в нее боевой искрой. Ладно,

Дмитрий Емец

пускай живет. Если Гробыня в чем-то и виновата, так только в том, что у нее дома был скользкий подоконник, а у детской кровати, куда ее впервые положили, не оказалось дна.

— Ну и что за новость? — спросила она.

Гробыня сложила ладонь подзорной трубой и, нарочито затягивая паузу, с интересом стала разглядывать Таню в дырочку.

— Как, ты не знаешь? Ты в курсе, что тебя завтра отсюда выпирают? Только вообрази: возвращаешься к своему зелененькому дядечке-вурдалаку и его толстой жене, у которых ты жила на лоджии! Здравствуй-те, вот и я, дайте мне дырку от бублика на обед и фантик от конфеты на сладкое!

— С какой это стати? Брось шутить, Склепова! — сказала Таня. Параллельно она припоминала, не натворила ли чего-нибудь в последнее время. Да нет, вроде все было нормально.

Гробыня фыркнула:

— Какие уж тут шуточки! Нас всех отсюда выпирают. Жаль, не тебя одну. Отправляют по домам, пока Тибидохс не отстроят заново. Заниматься тут все равно невозможно, вот Сарданапал и решил отослать всех учеников по домам. Наш декан, профессор Клопп, с ним согласился, так что мы, темные маги, тоже отчаливаем... Ту-ту, на тихом катере! Чао-какао, Тибидохс!

Гробыня встала и, распахнув шкаф, стала бросать на кровать вещи, явно определяя, что взять с собой, а что оставить.

— Не забыть мини-юбку из летучих мышей, перчатки с когтями и чулки на каблуках! Надо, чтобы у лопухоидов сразу глаза на лоб полезли, — бормотала она себе под нос.

«Это правда! Все правда!» — осознала вдруг Таня.

В глазах у нее потемнело. Справочник выскользнул из рук и раздраженно принялся летать по комнате, выдыхая языки пламени, точно заправский дракон. Таня этого даже не заметила. Неужели придется бросать такой родной, такой любимый Тибидохс и возвращаться к дяде Герману и тете Нинели, которые терпеть ее не могут, одевают в обноски и заставляют есть вермишель, такую скользкую, что она дохлым червяком висит на вилке, зато отлично прилепляется к кафелю в кухне?

Слезы сдавили Тане горло. Она не могла больше оставаться в комнате и выбежала в коридор. В общей гостиной она увидела Баб-Ягуна и Ваньку Валялкина, которые, отойдя к окну, о чем-то негромко совещались. Едва взглянув на их убитые лица, Таня догадалась, что им уже все известно. Так вот отчего сегодня они не заходили к ней целый день!

— Почему?! Почему вы мне не сказали?! А еще друзья называются! Разве честно, что я узнаю обо всем от Гробыни! — крикнула она и, заметив, что мальчишки разом повесили носы, бросилась вниз по лестнице.

— Погоди! Никто не понимает, почему Сарданапал так решил! Никто! Тут дело явно нечисто! — крикнул Ванька Валялкин, худенький вихрастый мальчуган

